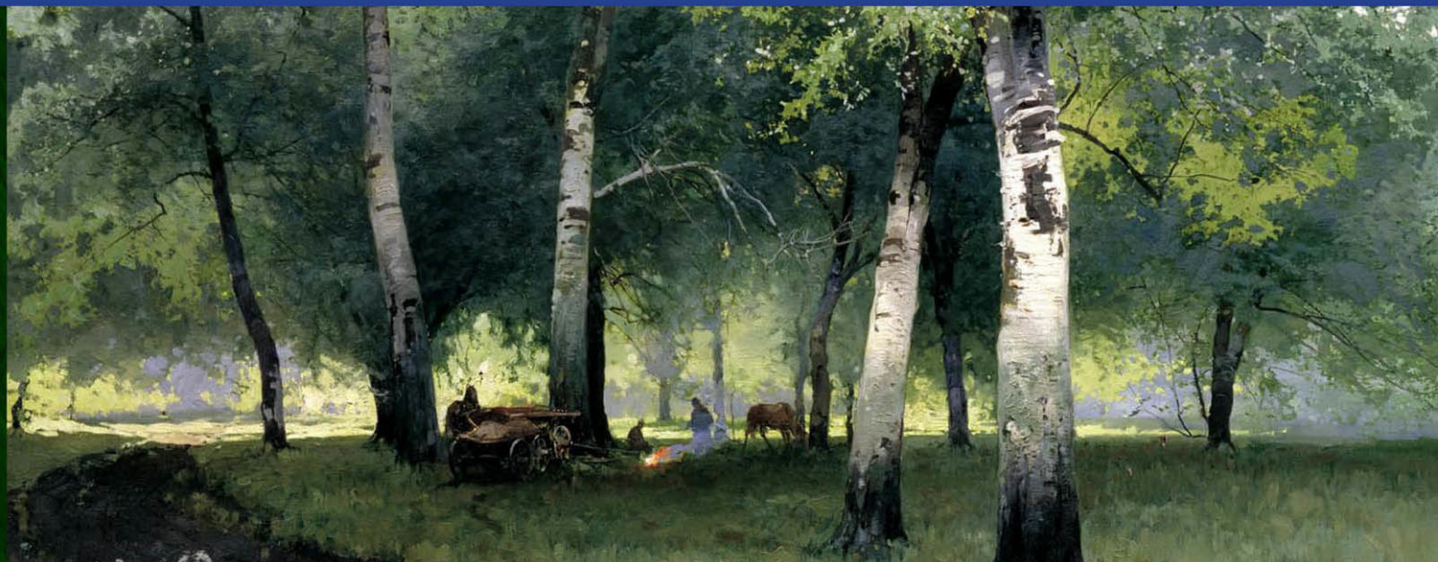

Василь Быков

Волчья яма

ФТМ

Василий БЫКОВ

Волчья яма

«ФТМ»

1998

Быков В. В.

Волчья яма / В. В. Быков — «ФТМ», 1998

Писатель Василь Быков – участник Великой Отечественной войны, которая определила темы, сюжеты и выбор героев его произведений. Повести его прежде всего – о человеке, пытанном ледяной водой болот, мокрой глиной окопов, пустотой леса в ничейной полосе, неизвестностью исхода войны, соблазном бессилия, безнадежности, отступничества, бесконечностью раскисших дорог...«... Как только солдат переставал думать про пищу, его сразу одолевала дрема. Однако днем спать он не решался. Хотя тут, в лесу, никого еще не встречал. Сперва это обстоятельство обнадеживало, но потом стало пугать, казалось: напрасно он прибежал сюда. Все-таки люди чувствовали опасность и старались держаться от зоны подальше. Опять же одиночество чем дальше, тем больше угнетало солдата. Порой становилось невтерпеж. Но что делать? Убеждал себя, что иначе нельзя, что очутился он здесь не по своей воле, что лучше быть одному. Но, пожалуй, и одному становилось невозможно – не терпела душа. Недолго полежав на пригреве, солдат снова учуял дым и не на шутку встревожился. Быстро подхватился и стал пробираться к речке. Показалось, дымом несло оттуда. ...»

© Быков В. В., 1998

© ФТМ, 1998

Содержание

Василь Быков	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Василь Быков

Волчья яма

Одинокая фигура человека то появлялась, то исчезала в негустом березовом подлеске, среди высоко вознесшихся к небу сосен. Это был молодой парень в замызганном солдатском бушлате, зимней шапке на голове. Из-под распахнутых воротников его одежек выглядывали несколько синих полосок давно не стиранной тельняшки. Исхудавшее мальчишеское лицо выражало крайнюю озабоченность, почти испуг. Солдат шел не спеша, то и дело останавливаясь, иногда меняя направление в лесу, оглядываясь по сторонам.

Сосновый бор между тем наполнился густым ветренным шумом, который, порой усиливаясь, заглушал собой все другие, разрозненные звуки леса. Впрочем, солдат уже научился в привычном шуме деревьев различать случайные звуки – хруст сломанной ветром ветки, падение наземь еловой шишки, – шум его не пугал. Хотя под соснами внизу в общем казалось тихо, ветер сюда почти не проникал – опустив к земле разлапистые ветви, тихо стояли угрюмые елки, неподвижно высились зеленые пирамидки можжевельника, порой трепетала лишь свежая листва берез. Земля под деревьями была по-весеннему голой, без травы; местами, набираясь к цветению сил, зеленели лесные ягодники – черничники. На пригорках широко раскинулись серые поросли беломошника, ступать по которому было непривычно мягко, словно по ковру в комнате. Хотя по ковру в сапогах солдат никогда не ходил, единственный ковер в их квартире всегда висел на стене, да и сапог он не носил до службы. А эти как надел – тяжелые кирзачи с негнушимися голенищами, так и не снимал второй год. И в сушь, и в непогоду они были на ногах, неудивительно, что один уже «запросил каши». Хотя что сапоги – начали рваться брюки, прочные армейские «хэбэ» с заплатами спереди и сзади, на правом колене уже появилась дыра. Наверно, в другое время все это причинило бы немало забот солдату, но не теперь. Теперь его донимала иная забота – солдат хотел есть.

Чувство голода и вело его через хвойный пригорок, заставляя обшаривать глазами ветви деревьев, оглядывать землю. В том был его конкретный интерес: под деревьями могли появиться грузди – вчера он нашел их три штуки и съел. Съев, испугался при мысли, что может отравиться и околеть в этой лесной глухомани. Однако обошлось, немного покрутило в животе и перестало, – значит, можно кормиться грибами, подумал солдат, лишь бы их попадалось больше. Еще он надеялся высмотреть в ветвях птичье гнездо. Когда-то в детстве, во время каникул в деревне ребята скинули с дерева маленькое волосяное гнездо, из которого выкатилось четыре серых яичка. Два из них разбились, а два он принес в хату к бабушке, и та развралась: зачем побурили птичье жилище, Господь накажет. Тогда он и в самом деле пожалел о глупом ребячьем поступке. Иное дело сейчас, когда давно уже нет бабушки и Бог, похоже, окончательно отступился от него. А главное – он успел убедиться, что голод – действительно не тетка.

Ни грибов на земле, ни птичьих гнезд на деревьях солдату нигде не попадалось. Не видно было и птиц, не слышалось их пения, и солдат подумал, что, возможно, это только в бору. Может, имело смысл поискать в ольшанике на берегу речки. Вчера он недолго бродил там, правда, также с нулевым результатом, но вчера его выгнал оттуда дождь, от которого он укрылся в бору. В который раз за весну бор спасал его от непогоды, давал пристанище на ночь. Но съестного здесь ничего не было. Земля под соснами устлана слоем прелой рыжей хвои, полной лесных насекомых. Ночью, когда он уснул на пригорке, под одежду напозднили муравьи, и солдат все утро чесал бока, пытаясь от них избавиться.

Сыроватые ольшаниковые места он недолюбливал и во время лесного блуждания обычно обходил стороной. Куда с большим удовольствием бродил бором, где стройные сосны зачаро-

вывали своей поднебесной высотой, особенно в погожую предвечернюю пору, когда их вершины торжественно сияли в позолоте закатных лучей. А на опушке или где-нибудь на прогалине иногда попадалась старая суковатая сосна, на которую по-ребячьи хотелось взобраться и не слезать до ночи. Впервые в сосновый бор он попал во время учений, сразу по прибытии из «учебки» в полк. Автомашину связи тогда поставили под сплошной хвойный шатер, не потребовалось маскировать ее сетью. Солдат работал на радиостанции и сквозь растворенную дверь три дня и три ночи дышал смолистым запахом бора, слушал пение птиц – особенно во время дежурства ночью. Жаль, учения скоро кончились, а потом началось такое, о чем не хотелось и вспоминать. Да и забыть было невозможно.

Ольшаник над речкой всю зеленел сочной весенней листвой; густо и широко разрослись кусты лозняка – влаги было в избытке. Внизу, пробиваясь сквозь сухой прошлогодний бурьян, лезла к свету крапива, топорились жесткие стебли малины. В зарослях кое-где оставалась приметной заброшенная с прошлых лет стежка. Солдат осторожно пошел по ней, не очень раздумывая куда – стежкой всегда хотелось идти куда-либо. В это время его обостренное голодом обоняние уловило в воздухе горьковатый запах дыма, и солдат остановился. По всей видимости, дым из леса – где-то горел костерок. А может, дым доносился с поля, усомнился солдат. Но поля все-таки далековато, за болотом. Деревни там почти все пожгли, особенно ближайшие к зоне, и в самой зоне тоже. Недавно еще там была проволока на кольях, но проволоку во многих местах посрезали и вывезли, оставшиеся деревни стояли покинутыми и разграбленными. Милиция иногда насакивала туда на своих «УАЗах», но у милиции вечно не хватало бензина, а главное – кому охота лезть в это атомное пекло? Не хотелось лезть и солдату, но вот влез. Когда его на хуторе едва не накрыла милиция, он не стал искушать судьбу второй раз. Да и хозяин-самосёл сказал: надо тебе уходить, сынок. Солдат не хотел беды ни себе, ни деду и ушел куда глаза глядят.

Глаза и привели его в зону.

Правда, может случиться так, что он сам наказал себя даже строже, чем это сделал бы военный трибунал. Все же зона – не рай, если отсюда всех давно выселили, когда сюда боится заезжать милиция, когда в газетах не перестают писать про цезий да стронций, которыми засыпаны соседние области. Весь мир встревожен. Запад гонит гуманитарную помощь, лекарства, приглашает детей на оздоровление. И это из ближних к зоне сел, а он влез в самую зону. Правда, и он вначале боялся, что заболит. Но вот пошел второй месяц, и ничего вроде, хотя самочувствие бывало всякое. Да и старый хуторянин Карп никуда не выезжал с хутора и за послеаварийные годы не чувствовал себя хуже. Говорил, может, даже лучше, чем некоторые из молодых. Потому что не пил, день и ночь работал один на немалом хозяйстве. Лошадь, корова с телкой, кабан, десяток куриц да собачка Кудлатик – и все живы-здоровы. Хуторянин Карп своим примером здорово обнадежил солдата, особенно когда сказал, что и по соседству за гравийкой также живут – по вечерам слышно, как лает собака; и за болотом, почти что в зоне, тоже появились самосёлы. Живут без электричества, без магазинов, без партии и без власти. То, что без власти, очень понравилось солдату, так же как хуторянину – жить без колхоза. Никто им не помогает, не проверяет и не мешает – живут как могут.

Может, это и неплохо, думал солдат, может, старики дождались своей поры. А вот молодежь... Даже внуки того же Карпа все поразъехали, на хуторе никого не осталось. Чего-то боятся.

Эти и схожие с ними мысли не первый раз вертелись в замороченной голове. Солдат и боялся и успокаивал себя, рассуждая и так и этак. Но как он мог поступить иначе – без документов, без знакомых и денег? Далеко ли уйдешь пешком, а на первой же автобусной станции тебя схватит милиция, которой развелось словно муравьев в лесу. Дома его никто не ждал, мачеха, если бы дозналась о нем, тотчас побежала бы в военкомат или в милицию –

только и ждала случая, чтобы засадить его. Друзья? После того, что случилось, какие могли быть друзья?..

Полузаросшей тропинкой в кустарнике солдат прошел вдоль речки, осторожно выглянул из-за куста на берег. Всюду было пусто, да и дымом вроде перестало пахнуть, может, переменялся ветер? И он снова повернул от речки под сосны, взобравшись на пригорок, опустился на толстую подушку мха. Было тепло, даже припаривало. Свой замызганный бушлат он никогда не снимал, спал не раздеваясь. Тут на него сразу набросились муравьи, забежали по истертым голенищам сапог, – где-то поблизости, наверно, муравейник, и солдат подумал, что муравьи – точно солдаты в их роте. И гляди, никакая радиация их не берет, приспособились за миллионы лет. Вот если бы так человек! Но человек, пожалуй, так никогда не сможет – не тот организм. Хорошо это или плохо, солдат не знал. Может, и хорошо, думал он, иначе человек может превратиться в муравья. А если не приспособится и отбросит копыта? Вон мамонты не приспособились и все повымерли. Теперь их кости выкапывают из вечной мерзлоты. Может, такая судьба ждет и людей.

Но мамонты не сами себя погубили – их погубило какое-то изменение природных условий. А человек? Сам – себя.

Дал Бог человеку разум – на собственную погибель.

Как только солдат переставал думать про пищу, его сразу одолевала дрема. Однако днем спать он не решался. Хотя тут, в лесу, никого еще не встречал. Сперва это обстоятельство обнадеживало, но потом стало пугать, казалось: напрасно он прибежал сюда. Все-таки люди чувствовали опасность и старались держаться от зоны подальше. Опять же одиночество чем дальше, тем больше угнетало солдата. Порой становилось невтерпеж. Но что делать? Убеждал себя, что иначе нельзя, что очутился он здесь не по своей воле, что лучше быть одному. Но, пожалуй, и одному становилось невозможно – не терпела душа.

Недолго полежав на пригреве, солдат снова учуял дым и не на шутку встревожился. Быстро подхватился и стал пробираться к речке. Показалось, дымом несло отсюда.

Где стежкой, а где напрямик через кустарник солдат выбрался на неширокую прибрежную лужайку, обошел ее краем ольшаника. К речке подступал обрывистый берег с соснами, и он пошел над обрывом, чтобы видеть реку. Еще издали на речном повороте заметил какое-то укрытие в обрыве – темный лаз в землянку – нору, прикрытую сверху палками. На конце одной из них моталась на ветру забытая тряпка, а поодаль, на самом берегу у воды лениво тлел костерок, дым от которого, наверно, и потревожил солдата.

Тут же на берегу он увидел человека.

Это был рослый мужик в распахнутой телогрейке, с шапкой на голове. Взмахнув над собой белым, наверно, самодельным удилищем, он на несколько секунд замер, а затем точным движением выбросил на берег рыбину. Рыба, как показалось издали, была не из мелких, наверно, не какая-нибудь уклейка. В тот момент человек тоже увидел солдата, которому, пожалуй, следовало смываться отсюда, но выуженная из речки рыбина словно загнипотизировала изголодавшегося парня, и он не спеша шел по берегу.

– Здравствуйте...

Рыбак не ответил, но и не наклонился за рыбиной, которая продолжала биться в траве. Вглядываясь в незнакомца, он изучал его, не зная, как отнестись к его появлению здесь.

– Лещ? – спросил солдат, чтобы не молчать.

– Подлещик, – скупно отозвался рыбак и решительно вскинул на гостя обросшее многодневной щетиной лицо. – А ты откуда тут взялся?

– Все отсюда же, – неопределенно ответил солдат и не в лад с прежней опаской беззаботно опустился на траву. Человек еще всматривался в него и спросил:

– А ты это – не из милиции?

– Из армии.

– Демобилизованный?

– Дезертир я, – сказал солдат и съежился. Никогда еще он не произносил этого слова, которое само сорвалось сейчас с языка.

Рыбак искренне удивился:

– Дела! Впервой вижу дезертира...

Он снял с крючка еще трепетавшего в руках подлещика, бросил на траву, где, как заметил солдат, уже лежало несколько ранее выловленных рыбин. Человек разговаривал громко, видно, чтобы показаться суровым, но солдат сразу почувствовал, что характером он вовсе не так строг, как хотел казаться.

– А дайте я, – вдруг попросил солдат, как только рыбак оснастил крючок новым белым червяком. Несколько помедлив, рыбак нерешительно протянул шершавое ореховое удилище.

– На. Коли умеешь.

– Когда-то ловил...

Человек отошел повыше и сел на берегу.

У солдата сразу клюнуло, и еще через две поклевки он выбросил на берег такого же подлещика. Поднявшись, рыбак снял с крючка рыбину, переставил ближе к солдату берестяной кулек с червяками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.